BIBLIOTEKARZ PODLASKI
4/2019 (XLV)
<https://doi.org/10.36770/bp.223>
ISSN 1640-7806 (druk) ISSN 2544-8900 (online)
<http://bibliotekarzpodlaski.pl>

Artur Malinowski*

Odeski Narodowy Uniwersytet im. Ilji Miecznikowa, Ukraina

<https://orcid.org/0000-0001-5687-6413>

Тарту как город границ. Текст - кафедра - культура - история

Аннотация: В статье описан город Тарту как культурный, лингвистический и социальный центр, прежде всего рассматривается тартуская школа семиотики, ее появление и развитие, а именно образование на основе ленинградской и московской лингвистических школ. Описаны научные события, предшествующие появлению и сформированию школы, рассмотрен также феномен «привязанности» к тартуской школе многих филологов и культурологов, прежде всего Юрия Лотмана.

Ключевые слова: культурология, лингвистика, Юрий Лотман, тартуская школа семиотики, формирование культурной школы

Tartu as a border town.

Text - cathedral - culture - history

Summary: The article describes the city of Tartu as a cultural, linguistic and social centre. First of all, the phenomenon of Tartu-Moscow Semiotics

* Artur Malinowski – doc. dr, pracownik Odeskiego Narodowego Uniwersytetu im. Ilji Miecznikowa (Ukraina). Autor m.in. artykułów: *Odessa jako strefa importu literackiego dandyzmu w pierwszej połowie XIX wieku* (2016) oraz *Amalgamatowość powieści „Muzykant” T. G. Szewczenko w rosyjskich i ukraińskich tekstach o modelowaniu przestrzeni dziedzictwa estetycznej przyjemności* (2017).

School is analysed, focusing on its beginnings and development. The researcher evokes and discusses the events immediately preceding the establishment of the Moscow School of Linguistics, as well as describes the “attachment” to the Tartu School of many philology and culture researchers, headed by Yuri Lotman.

Key words: Culturology, linguistics, Yuri Lotman, Tartu-Moscow Semiotics School, shaping the cultural school.

Tartu jako miasto granic.

Tekst – katedra – kultura – historia

Streszczenie: W artykule scharakteryzowano miasto Tartu jako centrum kulturowe, językowe i społeczne. Przede wszystkim analizowany jest tutaj fenomen tartusko-moskiewskiej szkoły semiotyki, jej początki i rozwój. Badacz przywołuje i omawia wydarzenia bezpośrednio poprzedzające powstanie moskiewskiej szkoły lingwistycznej, opisuje również fakt „przywiązania się” do szkoły tartuskiej wielu badaczy filologii i kultury, z Jurijem Łotmanem na czele.

Słowa-klucze: Kulturologia, lingwistyka, Jurij Łotman, tartusko-moskiewska szkoła semiotyki, kształtowanie szkoły kulturowej.

Тартуская школа семиотики – явление крайне неоднородное и в плане методологии, и в плане творческих судеб ее представителей, и, разумеется, в особой установке на проведение границ и демаркационных линий между культурами. Научные поиски филологов-семиотиков были непосредственным отражением очень подвижных географических границ, определяемых притяжением и отталкиванием культурных взаимодействий, замкнутостью и в то же время открытостью площадки летней школы Тарту для диалога как с ленинградско-московской, так и западной традициями. Точно передал царившее в небольшом эстонском городке единство в многообразии Б. М. Гаспаров: «Атмосфера тартуского сообщества создавала идеальные условия для междисциплинарного общения и сотрудничества. Я уже говорил о том, что самосознание семиолога опре-

делялось не столько изначальной профессиональной принадлежностью, сколько общей интеллектуальной установкой»¹.

Итак, как появилась тартуская школа, каковы были предпосылки ее возникновения? Этому предшествовал ряд научных событий, легших в основу будущего направления. Это московская конференция 1962 г. и тартуская конференция 1964 г. Отметим, что тартуская школа была сложным синтетическим направлением. С точки зрения Успенского, она сочетала московскую лингвистическую и ленинградскую литературоведческую традиции. Лотман родился и учился в Петербурге и для тартуской школы считал существенной связь с Петербургом и его литературоведческими кругами. Наряду с формалистами роль отводилась и В. Проппу и В. Жирмунскому, Г. Гуковскому, О. Фрейденберг, М. Бахтину.

Вопрос традиций, генезиса здесь неслучаен. Особенно при поиске ответов на вопрос, западное ли это явление или приближенное к московско-ленинградскому. Безусловно, западная гуманитаристика в лице структурной лингвистики (Ф. де Соссюр) с ее точными методами описания и структурной антропологии (К. Леви-Стросс, Э. Дюркгейм) оказала существенное влияние на Лотмана и его последователей. В то же время ученые тартуской школы настолько самобытны, что им не находится места в канонической истории классической семиотики. Само учение, сам подход к анализу материала были где-то на маргине академического литературоведения. Это и создавало ощущение особой конфликтности, пограничности интерпретаций, которые ассоциировались скорее не с методологией, а с ракурсами, еще не устоявшимися понятиями. Это категории, синтезировавшие научные методы разных наук в целях познания уникального и зачастую экзотического материала.

Главные понятия *вторичная моделирующая система* и *семиотика культуры* позволяли вскрыть в том или ином явлении культуры мощный междисциплинарный потенциал, перевести факт или событие из одного вида искусства в другой средствами кодирования. Ведущая роль принадлежит системам переключений, переходам, переносам, механизмам семантической переводимости. Подавляющее большинство работ тар-

¹ Здесь и далее приводятся примеры из личных фольклорных записей автора статьи.

тусцев отличаются «переносом методов анализа языка и литературы на анализ живописи, музыки и фильма, а также с рассмотрением культуры как вторичной моделирующей системы². В то же время преодоление герметичных границ художественного текста и в целом выход за пределы литературы и изучение мифологии, быта, семиотики повседневности, театра, живописи и т. д. делали тартускую семиотику гуманитаристикой в широком смысле слова. Лотман восстанавливает в правах понятие текста как «самовозрастающего Логоса»: «текст оказывается нетождественным самому себе – включаясь (например, в процессе коммуникации) во все новые внетекстовые связи, его структура постоянно усложняется, а семантика обогащается...»³.

Любимое библейское изречение Ю. Лотмана – «камень, который отвергли строители, соделался главою угла» – вполне применимо к учению о тексте. Это сложное понятие, разноуровневая семиотическая структура, в которой текст как имманентное образование и сфера внетекстового пребывают в отношениях взаимодополнения. Более того, в концепции Тартуской школы семиотики вся культура – это текст. Это заслуга Лотмана и его последователей, рассматривавших культуру под сеткой знаково-символической природы текста и анализировавших культурные явления неотрывно от законов структурности («ценность определяется набором структурных функций»⁴). В монографии «Культура и взрыв» читаем: «Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это – сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в текстах” и образующий сложные переплетения текстов»⁵.

Понятие границы, безусловно, ведущее в практике тартуской школы. Оно отвечало всем требованиям структурности, так полюбившейся и по-

² Гаспаров Б. М. Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен [в:] Wiener Slawistischer Almanach. 1989. Bd. 23. С. 16.

³ Лотман М. Ю. За текстом: *Заметки о философском фоне тартуской семиотики* (Статья первая), С. 219.

⁴ Там же. С. 217.

⁵ Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров*. Статьи. Исследования, заметки СПб, 2000. С. 72.

лучившей типологически сходные истолкования в трудах по знаковым системам. Определяющим для идентификации каких бы то ни было границ является фактор мерцательности, зеркальных отражений внешнего и внутреннего, своего и чужого, *того* и *этого*. Проводимые между культурами, историческими эпохами, типами цивилизаций, художественными текстами или же структурными «подразделениями» внутри отдельного текста границы предполагают неоднозначность, гибкость, пластичность. Это напряженный диалог структурных полей, взаимодействующих и творчески конфликтующих по принципу «фильтрующей мембраны, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными»⁶. Сложные полиструктурные переплетения и непрекращающийся диалог своего и чужого выдвигает во главу угла проблему *отграниченности, различения, разъятия*. С точки зрения Ю. М. Лотмана это аналитические операции, необходимые для конструирования границ как строительного материала художественной структуры, или художественной модели.

Граница предполагает дуальное членение текста, и весьма существенным в нем оказывается сама линия демаркации, узловая точка пульсации, напряжения. Именно в момент смыкания на «территории» границы внешней и внутренней ее сторон рождается смысл, возрастает творческая производительность генерируемой в тексте художественной идеи. Все, что происходит в тексте, переносится и на пространство культуры. Для тартуской школы эти понятия идентичны, практически неразделимы. По аналогии с рождающимися в тексте смыслами культура производит, выталкивая наружу новые явления, зачастую «взрывного», провокационного характера. Лотман видит в «каждом ее синхронном срезе не одну систему канонизирующих норм, а парадигму конкурирующих систем»⁷.

Встреча разных смыслов и культурных явлений в пространстве границы ведет к ее *детерриториализации*, расподоблению сторон, утрате первоначальной целостности. Происходит встраивание нового в традиционные модели, и в этот момент выявляются швы «би- и полиполярной

⁶ Лотман Ю. М. *Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров*. Статьи. Исследования, заметки СПб, 2000. С. 262.

⁷ Там же, с. 260.

структуры... от отдельного текста и индивидуального сознания до таких образований, как национальные культуры и глобальная культура человечества...»⁸. Классической моделью диалога на границе предстает встреча *канона* и *парадигмы* в динамике культурных эпох. В ее пределах перестраиваются система координат культуры и эстетические ориентиры. Смена «регулятивных принципов мироустройства»⁹ влечет поистине тектонические сдвиги на всех уровнях: государственно-политическом, социально-ролевом, религиозно-философском. В эстетической сфере идет постоянный обмен, выработка нового языка и новых критериев оценки литературного произведения с учетом уже сложившихся канонов.

Аналогичные тенденции прослеживаются и в текстообразовании. Пространство текста пульсирует, мерцает границами. Это сложное устройство, в котором сталкиваются, разъединяются и соплагаются норма и антинорма, канон и авторская личность, замкнутость и разомкнутость, внутреннее и внешнее, статика и динамика. «Пересеченность семиотического пространства многочисленными границами создает для каждого движущегося в нем сообщения ситуацию многократных переводов и трансформаций, сопровождающихся генерированием новой информации, которое приобретает лавинообразный характер»¹⁰.

Тарту как город с особой пассионарностью задавал координаты подобного прочтения культуры. Более того, сам Тарту и был этой культурой со множеством прочерченных внутри и вне его идеологических, географических, исторических и др. границ. В семиотике культуры город – это не просто локус, место событий, географически и исторически атрибутированное пространство. Это текст, причем в двух своих ипостасях: как объект моделирования и как механизм порождения других текстов, как пространство, являющееся основой для установления непространственных отношений. Лотман писал о городе как о «котле текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным

⁸ Лотман Ю. М. *Асимметрия и диалог* [в:] Ученые записки Тарт. гос. ун-та. 1983. Вып. 635 (Труды по знаковым системам). С. 25.

⁹ Виролайнен М. Н. Исторические метаморфозы русской словесности. СПб.: Амфора, 2007. С. 43.

¹⁰ Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки. СПб, 2000. С. 265.

уровням. Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно... город, как и культура – механизм, противостоящий времени»¹¹.

Тарту, принявший Лотмана неоднозначно, трансформируется в сознании и самого литературоведа и всего ученого мира гуманитаристики в место рождения литературоведческой семиотики. Тарту – это особый мир с подвижными границами и контактами. Западная наука в лице Т. А. Себеока и Р. О. Якобсона появляется в Тарту, а представители школы А. Пятигорский, Д. Сегал, А. Жолковский и др. эмигрируют на Запад. Именно они начинают деятельность по распространению идей тартуской семиотики «сначала через Запад, а потом и на Западе»¹². Кроме того, Эстония ассоциировалась с Западом, атмосфера летних семиотических школ в Кяэрику была прозападной и многие из участников летних семиотических школ впоследствии эмигрировали. «Жизнь в Тарту развивала особую чуткость к другому миру, а также быстрее излечивала от остатков “советскости”»¹³.

Особый пограничный статус Тарту прослеживается в диахронии. Это город, имевший историю, что соответствовало историцистским по своей сути разысканиям семиотиков. Лотман творит свой вариант текста в тексте, соотнося реальную историю и литературный процесс с собственной жизнью. Причем исключительно с точки зрения прорисованности границ между своим и чужим, современностью и историей, с точки зрения преодоления этих границ на стыке культур, географических территорий, возможной ассимиляции в инокультурную среду и присутствия перспективы западного, по-настоящему европейского вектора развития... Фигура Лотмана выглядит зеркальным отражением великих предшественников, он вступает в непосредственный диалог с объектами своих научных изысканий: А. Ганнибалом, Н. Карамзиным, А. Кайсаровым, А. Пушкиным...

¹¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки. СПб, 2000. С. 265.

¹² Тороп П. Тартуская школа как школа [в:] Лотмановский сборник I. М., 1995. С. 225.

¹³ Киселева Л. С. Киселева Л. Академическая деятельность Ю. М. Лотмана в Тартуском университете [в:] Slavica TerGestina. № 4 1996. С. 17.

Это люди пограничья, которые так или иначе были связаны с эстонским культурным пространством. Эстония была пограничьем, за которым начинался другой мир. Именно через Нарву и Дерпт (нынешний Тарту) пролегла дорога на Запад. В комментариях к «Письмам русского путешественника» речь идет об интересе проезжающего через Эстонию Карамзина к культуре и языку лифляндцев и эстляндцев. Деятельность Кайсарова освещается в контексте интеллектуальной атмосферы начала XIX века. Лектор Дерптского университета, профессор Андрей Кайсаров сумел объединить вокруг себя свободомыслящих людей того времени. Атмосфера непринужденного научного общения всегда царила и в лотмановском сообществе, где стирались границы между официальным и неофициальным, социально-ролевым и истинно человеческим, и где каждый напоминал участника дружественного кружка. Отсутствие границ коммуникации в излюбленном ученым жанре послания, или литературного симпозиона 1810-х гг. – прямая проекция на собрания разного рода в Тарту, будь то Летняя школа по вторичным моделирующим системам или заседания кафедры русской литературы. Действительно, мир Лотмана живет по законам вольницы, не отягощенной рамками и разграничениями, он полностью подпадает под характеристики интеллектуального пира в поэзии: «участники диспута имеют принципиально единую эстетическую ориентацию, это круг единомышленников»¹⁴. И так же как гостями пира были в большинстве античные поэты и философы, так и кумирами Лотмана являлись те, кто ранее был в ранге хозяев: Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь...

Кафедра в Тарту по составу, модели поведения коллектива и многим другим показателям выходила за рамки традиционного академического учреждения. Основополагающими категориями были не директивные установки и следование методологическому канону, а кафедральный дух, сингармонизм сознаний. Причем эти понятия были далеко не абстрактными. Специально вырабатывались типы отношений к делу кафедры, формировалась типология поведения кафедралов, их антропосфера. Активно внедряя в бытовое поведение понятия «кафедральный человек»,

¹⁴ Виролайнен М. Две чаши (О дружеском послании 1810-х годов) [в:] Русские пиры. СПб. 1998. С. 47.

«тартуский человек», Лотман на собственном примере демонстрировал синтез частного и общего, науки и большой истории, личного и общегосударственного.

В избрании подобной модели чувствуется влияние авторитетов-предшественников, того пестрого и экзотического материала повседневности первой половины XIX века, который был в постоянном фокусе литературоведа. Трансплантация театральных кодов, поэтики бытового поведения на личности членов кафедры русской литературы Тартуского университета, безусловно, ключ к пониманию той коммуникации, которая способствовала единению, конвергенции, научному диалогу. Для всего коллектива кафедра представляла не лишенный мифогенности саморазвивающийся организм со своим «золотым веком» и периодами заката. Деятельность кафедры сама по себе была мощным семиотическим процессом. Включенность в знаково-символический ряд большой истории и культуры, непрекращающийся процесс реинтерпретаций и перекодировок, диалог эпох и спаянность личности ученого и его научного объекта позволили Лотману в своем завещании подытожить: *«Кафедра принадлежит истории культуры»* (курсив автора статьи – А. М).

Семиотизация жизни кафедры осуществляется с учетом категорий историософского и культурологического порядка. По аналогии с пробудившимися и по-европейски мыслящими героями русской литературы первой половины XIX в. тартуские литературоведы не мыслили себя вне истории, вне пространства культуры, политики, социальной жизни. Хотя и пребывали в некоторой изоляции, своеобразном островном континууме, периферии. Такое двойственное положение отражает особый пограничный статус кафедры, формально советской, а по сути устремленной к самым прогрессивным тенденциям западной гуманитаристики. Даже в личных судьбах и перипетиях научной карьеры эта пограничность сказывается вовсю. Б. Егоров в письмах пишет: «наша кафедра в 1960-70 годы (...) в 1980-е годы (...)», а между тем он покинул Тарту в 1960 г. Ощущение причастности к кафедре объединяло и Ю. Лотмана, З. Минц, В. Беззубова и П. Рейфмана...¹⁵.

¹⁵ Киселева Л. Академическая деятельность Ю. М. Лотмана в Тартуском университете [в:] Slavica TerGestina № 4. 1996. С. 16.

Категории Дома и Семьи, культ дружелюбности, открытость частного пространства *для всех* – тот фундамент, который объединял, создавал зону комфорта для творчества. Среди «трудов по русской литературе» и «трудов по знаковым системам» довольно часто встречаются интерпретации дома, домашнего пространства, очага в связи со стремительным историческим процессом, культурными новациями и цивилизационными сдвигами. О роли данной универсальной темы, или знакового комплекса у Пушкина Лотман пишет: «... тема дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и “самостоянии человека”»¹⁵. Таким местом «самостояния» для Лотмана и явился Тарту. Ему пришлось не только проследить механизмы пересечения границ в художественном тексте, но и самому перешагивать, преодолевать барьеры и пороги, буквально завоевывать тартуское пространство.

Преодоление пороговости, пустоты тождественно пересечению границ, за которым следует их консервация, герметизация, означающие фиксацию найденного смысла, идеи и их последующую интерпретацию в пределах заданных рамок, фрейма. *Детерриториализация* как свойство открытой структуры с разнонаправленными и разомкнутыми границами сменяется *ретерриториализацией* как обретением «своего» пространства, перемещением периферийных зон текста в направлении ядра, центра. Гетерогенное пространство временно становится гомогенным, означающим владение и контроль за границами, в которых пребывает сфера «своего»: Дома, языка, смысла, идеи. Художественный текст устанавливает «“многочисленные возможные порядки” между словами и вещами...»¹⁶. Соответствия между ними идентичны конструированию границ и их дальнейшей герметизации. Лотман пишет: «Функция любой границы и пленки сводится к ограничению проникновения, фильтрации и адаптирующей переработке внешнего во внутреннее.... На уровне семиосферы она означает отделение своего от чужого, фильтрацию «внешнего» (такой статус приписывается тексту на чужом языке), и перевод этого тек-

¹⁵ Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки. СПб, 2000. С. 72.

¹⁶ Гетеротопии: миры, границы, повествование. Вильнюс. 2015. Вып. 57 (5). С. 12.

ста на свой язык. Таким образом происходит структуризация внешнего пространства»¹⁷.

Пересечение границы в динамической структуре текста проходит через обязательную зону смысловой турбулентности, более или менее четко очерченную и локализованную. Смысл и значение кристаллизуются в пространстве перехода *от-до*. Здесь же концентрируются все взрывные потенции текста, связанные с непредсказуемостью, случайностью, изменениями. Удачный образ движения и потока смыслов был найден Лотманом: «Заминированное поле с непредсказуемыми местами взрыва и весенняя река, несущая свой мощный, но направленный поток...»¹⁸.

Семиотика завоеванного города восходит к Ветхому Завету и в дальнейшем транспонируется в культуре. В любом варианте трактовки этой темы сохраняется сакральный смысл, передающий идею превращения «остаточного города» в «избыточный». Периферийный, пограничный город часто становится “структурным резервом” империи как динамической системы: покорение такого города связано с преизбытком завоеваний, обеспечивающим “присно” (то есть всегда) прибавление империи»¹⁹. Лотман и явился тем центром, который подчинил себе культурную периферию, выдвинув ее за пределы маргинального пространства, сделав ее по сути ядром. Периферия становится настолько мощным кодирующим устройством, что может полностью выполнять функции ядра. Именно научная этика Лотмана, его «самостоянье» сделали Тарту всемирно известным центром семиотики. И в культуре как таковой, и в деятельности Лотмана налицо одинаковые процессы, которые приводят «к ускоренному “созреванию” периферийных центров и к выработке ими своих метаописаний, которые могут, в свою очередь, выступить в качестве претендентов на универсальную структуру метаописания для всей семиосферы»²⁰.

¹⁷ Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки СПб, 2000. С. 265.

¹⁸ Там же. С.18.

¹⁹ Погосян Е. Семиотика завоеванного города: Ревель в 1710-1725 гг. [в:] Семиотика города. Материалы Третьих Лотмановских чтений в Таллиннском университете. Таллин. 2014. С. 78.

²⁰ Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки. СПб, 2000. С. 260.

Изменение статуса периферии имеет параллели в обретении городом культуроносной функции. Особенно наглядна она в организации городского пространства, видимого сквозь призму границ. Сам Лотман смотрел на Тарту как на своего рода текст в тексте с присущими ему принципами двойного кодирования. «И если Тарту для меня знак, который символизирует культуру, то университет – символ этого символа»²¹.

Он стал своим, стал генератором идей и открывателем новых смыслов в тексте и в жизни, означиваемой им как текст. Конфликтующие структуры центра и периферии словно примирились, временно остановившись в своей «мерцающей структурности» (В. Луков). Основные понятия лотмановской концепции слились воедино и образовали целостное учение о тексте. Тарту сыграл в этом процессе пассивную роль, явившись тем центром, который соединил большую и малую историю, частное и общее, Дом и мир, центр и периферию, кафедру и культуру.

Литература

Виролайнен М. *Две чаши (О дружеском послании 1810-х годов)* [в:] Русские пиры. Санкт-Петербург 1998. С. 40-70.

Виролайнен М. Н. *Исторические метаморфозы русской словесности* Санкт-Петербург 2007. 495 С.

Гаспаров Б. М. *Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен* [в:] «*Wiener Slawistischer Almanach*». 1989. Bd. 23. С. 16.

Гетеротопии: миры, границы, повествование. Вильнюс. 2015. Вып. 57 (5). С. 11-18.

²¹ Lotman J. Tartu kui kultuurimärk. [в:] Mele Tartu. Tallinn. 1987. С. 52. Цит. по: Пономарева Г. Эстония в работах Лотмана [в:] Лотмановский сборник III. М., 2004. С. 861.

- Киселева Л. Академическая деятельность Ю. М. Лотмана в Тартуском университете [в:] «*Slavica tergestina*» 4 (1996). С. 9-19.
- Лотман М. Ю. За текстом: Заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая). [в:] *Лотмановский сборник 1*. 1994. С. 214-222.
- Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования, заметки. Санкт-Петербург, 2000. 704 с.
- Lotman J. Tartu kui kultuurimärk. Mele Tartu. Tallinn. 1987. С. 52.
- Пономарева Г. Эстония в работах Лотмана [в:] *Лотмановский сборник III*. Москва, 2004. С. 858-865.
- Погосян Е. Семиотика завоеванного города: Ревель в 1710-1725 гг. [в:]. *Семиотика города*. Материалы Третьих Лотмановских чтений в Таллинском университете. Таллин. 2014. С. 56-81
- Тороп П. Тартуская школа как школа. [в:] *Лотмановский сборник I*. Москва, 1995. С. 223-239.

Bibliografia

- Gasparow B. M. *Tartuskaja szkoła 1960-ch godow kak siemioticzeskij fienomien* [w:] «*Wiener Slawistischer Almanach*» 1989. Bd. 23. С. 16.
- Gietierotopii: miry, granicy, powiestwowanije*. Wilnius. 2015. Wyp. 57 (5). S. 11-18.
- Kisielewa Ł. *Akadiemическая diejatielnost' Ju. M. Łotmana w Tartuskom uniwersitietie*, «*Slavica tergestina*» 4 (1996). S. 9-19.
- Łotman J. *Tartu kui kultuurimärk. Mele Tartu*. Tallinn. 1987. С. 52.
- Łotman Ju. M. *Siemiosfiera. Kultura i wzryw. Wnutri myslaszczich mirow*.
- Łotman M. Ju. *Zamietki o filosoфском fonie tartuskoj siemiotiki (Statja pierwaja)* [w:] *Łotmanowskij sbornik 1*. 1994. S. 214-222.
- Pogosian Je. *Siemiotika zawojewannogo goroda: Riewiel w 1710-1725 gg*. [w:]. *Siemiotika goroda. Matieriały Trietjich Łotmanowskich cztienij w Tallinnskom uniwersitietie*. Tallin. 2014. S. 56-81
- Ponomariewa G. *Estonija w rabotach Łotmana* [w:] *Łotmanowskij sbornik III*. Moskwa, 2004. S. 858-865.
- Torop P. *Tartuskaja szkoła kak szkoła*, [w:] *Łotmanowskij sbornik I*. Moskwa, 1995. S. 223-239.

Artur Malinowski, *Tartu jako miasto granic. Tekst – katedra – kultura – historia*

Wirolajnen M. *Dwie czasy (O drużeskom posłanii 1810-ch godow)* [w:] *Russkije piry*. Sankt-Pietierburg 1998. S. 40-70.

Wirolajnen M. N. *Istoriczeskije mietamorfozy russoj słowiesnosti*, Sankt-Pietierburg 2007. 495 S.